

Таким образом, комплексное использование на занятиях рабочей схемы глаголов движения, связанных текстов, сюжетных рисунков и сведённых в единую систему видов работ позволяют активизировать знания учащихся по данной теме.

Список литературы

1. Битехтина Г. А., Юдина Л. П. Система работы по теме “Глаголы движения”. — М.: Р. яз., 1985.
2. Василенко Е. И., Добровольская В. В. Сборник методических задач по русскому языку. — М.: Р. яз., 1990.
3. Взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности / Григорьева В. П., Зимняя И. А., Мерзлякова В. А. и др. — М., 1985.
4. Муравьева Л. Глаголы движения в русском языке. — 5-ое изд. — М.: Р. яз., 1986.

Чепурина И. В.

ПРОИЗВОДНЫЙ ЭМОТИВНЫЙ АГЕНТИВ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Предметом нашего исследования являются агентивы, мотивированные эмотивными глаголами. Под эмотивными мы понимаем глаголы с эмоциональной семой в логико-предметной части. При этом эмоциональные смыслы передаются ядерным компонентом (*бояться* — “испытывать чувство опасения, страха”; *любить* — “чувствовать глубокую привязанность к кому-, чему-л., быть преданным кому-, чему-л.”) или конкретизирующим, имеющим статус дифференциальных сем (*балагурить* — “говорить вссело, забавно, пересыпая речь шутками, остротами”; *угодить* — “удовлетворить кого-л., сделав что-л. приятное, нужное, желаемое”)*. Термин “агентив” употребляется синонимично термину “имя лица”, “название лица”. В категорию агентивных имен в настоящей работе включаются не только названия людей, характеризующиеся эмоциональными действиями (*укоритель*, *насмешник*, *вдохновитель*), но и носители эмоциональных состояний (*мечтатель*, *обожатель*, *страдалец*).

Субъектные имена существительные — довольно малочисленная группа эмотивных дериватов. Имеющиеся названия лиц, как правило, семантически неоднородны. Преобладают субстантивы с дифференциальными эмотивными смыслами. Тематически доминирующей при этом выступает, как правило, сема “речь” и “поведение” (*нытик*, *брюзга*, *ругатель*, *укоритель*, *ссорищик*, *насмешник*, *шутник*, *задавка*, *надоедала*, *угодник* и т. д.). Регулярность связей эмотивных глаголов с лексикой “говорения” объясняется тем, что сам речевой процесс в целом часто получает эмоциональную характеристику (ср.: **ныть 2** — “разг. *Надоедливо* жаловаться на что-л.” и др.). Взаимодействие эмотивов с глаголами поведения предопределено общенностью семантики этой группы и ее негативной оценочностью. Глаголы поведения связаны по своей семантике исключительно с обозначением негативных поступков и характеризуются единством категориально-лексической семы “вести себя плохо” [2; с. 37] Реже исследуемые эмотивы пересекаются с другими лекси-

* Такой принцип выявления эмотивной лексики предложен представителями свердловской семантической школы, в частности Л. Г. Бабенко в работе “Лексические средства обозначения эмоций в русском языке” [1].

ческими множествами, например, интеллектуальной деятельности (*почитатель, ценитель, обманщик*), желания (*мечтатель, вдохновитель, соблазнитель 1, пленитель 2*); физических действий и состояний (*мучитель, истязатель, страдалец*) и т. д.

Исследуемые имена лиц нередко интерпретируются как производные, стоящие на границе между лексической и синтаксической деривацией: традиционно они рассматриваются в сфере мутационного словообразования, поскольку в случаях типа **вздорить** → **вздорщик**, **надоедать** → **надоеда** имеется не только различие в частеречной принадлежности, но и наличие в производном значения “лицо”, отсутствующего в производящем [3; с. 363]. В то же время элементарность смысловой структуры дериватов, одноаспектная организованность семантики, ведущая к содержанию наложению словообразовательного и лексического значения, позволяет их относить к сфере синтаксической деривации. Так, Е. Л. Гинзбург, интерпретируя подобные имена лиц как синтаксические дериваты, указывает, что специфика значения анализируемых имен в оппозиции производящему сводима к обозначению одного компонента схемы предложения — семантическому субъекту действия, соответствующего синтаксическому подлежащему [4; с. 37]. Ср.: **утешитель** — “тот, кто утешает”, **обидчик** — “тот, кто обидел, обижает кого-л.”, **оскорбитель** — “тот, кто оскорбил кого-л.” и пр. Структура словообразовательного значения таких имен отражает структуру мотивирующего суждения.

Отмечается, что производные имена — это динамические смысловые и функциональные структуры, в зависимости от коммуникативной потребности актуализирующие то фактор лексичности (фактор компрессии), то фактор синтаксичности (смысловой и формальной расчлененности) [5; с. 161].

Наша задача — выявить типы функциональной направленности именной семантики эмотивного деривата, определить их зависимость от фактора семантической неоднородности агента.

Известно, что всем денотативным классам эмоциональной лексики свойственна эмоциональная характеристика. Вне этого ракурса не оказывается ни одно чувство, поскольку каждое выражается внешне, обладает особой социальной значимостью, проявляется в обществе и затрагивает интересы других людей. Поэтому исследуемые имена реализуют себя прежде всего в категории неопределенности и имеют признаковое, характеризующее значение.

Признаковым именам свойственны синтаксические позиции именного сказуемого в высказываниях с логическим отношением характеристики, а также позиции несогласованного определения и приложения: [[*Господин Эдм Бурсо*]] *ярый противник и ругатель Мольера* (Булгаков). *Стрелочник Кулаков, успевший уже принять на себя в отряде свою всегдашнюю роль всеобщего увеселителя, дребезжащим тенорком рассказывал окружающим забавные истории* (Б. Полевой). Имена *ругатель, увеселитель* функционируют в значении качественной характеристики лица с временным значением настоящего неактуального. В них усилено значение постоянного признака, свойства.

Такие признаковые имена создаются как средство смысловой коммуникативной актуализации, которая выявляется, например, при трансформации: *господин Эдм (постоянно) ругает, (любит) ругать Мольера; стрелочник Кулаков (всегда) увеселяет отряд* и т. д. Наличие при глагольной форме лексического конкретизатора обычности, постоянства признака является необходимым условием для сохране-

ния синонимичности. Иногда эта закономерность отражается в синтагматическом развертывании текста: — *Какой вы спорщик, мсье Пьер! — Я и с мужем вашим все спорю*, — сказал Пьер (Л. Толстой). Так, агентивное имя не выходит “из-под влияния материнской категории и впоследствии сохраняет значительный потенциал функционально-семантической глагольности” [6; с. 15]. Субстантивное слово вербализуется. Коммуникативный эффект использования таких форм — усиление значения характеристичности, постоянства признака.

Исследуемые имена оценочны, так как причина эмоции является объектом оценки со стороны субъекта эмоции. Включая в состав семантики модальность оценки, эмотивный дериват служит одновременно отражением ценностного отношения говорящего к отображаемому. Следовательно, мотивационная формула эмотивных субстантивов содержит фактор говорящего: говорящий “извлекает из словаря имя для вынесения оценки, для фиксации отклонения от нормы по коммуникативно значимому признаку; именно оценочная семантика находится в коммуникативном фокусе” [7; с. 116]. Таким образом, исследуемые субстантивы определяются наличием в их структуре прагматического компонента.

Значения признаковости и субъективной модальности усиливаются элементами контекста, которые могут согласовываться с отдельными компонентами мотивационной формулы имен лица и соответствующими им смыслами эмоциональной оценки. Часто в роли таких актуализаторов выступают оценочные прилагательные. Например: *Трактирщик был страстный любитель певчих птиц ...* (М. Горький) — (*страстный любитель* = *любить страстно*); [*Бомарше*] *приобрел себе исступленных почитателей, поклонников и нажил себе непримиримых врагов* (Белинский) — (*исступленные почитатели* = *почитать испуганно*). В этих высказываниях прилагательные *страстный, испуганный* согласуются с предикатным компонентом мотивационной формулы агентивов и оценочным признаком, усиливая смысл отклонения от нормы.

Имена прилагательные могут семантически согласовываться с субъектным компонентом мотивационной формулы, т. е. семой “лицо”, актуализируя смыслы субъективной модальности. Такие прилагательные раскрывают различные свойства и качества лица. Ср.: *Правда, находились и более образованные ценители поэзии, которые утверждали, что у Поэта был ранний период, когда он писал божественные стихи...* (Ф. Искандер) (прилагательное *образованные* характеризует лицо с позиции его культуры, актуализирует положительную оценку лица говорящим); [*Кукушкин*] *прикидывался злым насмешником и безбожником* (Чехов) (прилагательное *злым* характеризует внутренние качества лица и актуализирует его негативную оценку говорящим).

Лексическое окружение способно актуализировать оба элемента мотивационной формулы имени лица: предикатный и субъектный. Ср.: *Завзятый бабник, веселый и общительный гуляка — он [*Фомин*] пропал по целым ночам и приходил на квартиру только перед рассветом* (Шолохов) — определения “завзятый бабник”, “веселый” и “общительный” при определяемом *гуляка* семантически согласуются с семой “лицо”, внося эмоциональную оценку; конструкция “пропал по целым ночам” — с семой “действие”, усиливая смысл отклонения от нормы. Так, исследуемым именам свойственны синтаксически открытые употребления, где ярко проявляется прагматическая доминанта их функционирования.

Таким образом, в высказываниях эмотивные имена деятеля прежде всего актуализируют значение постоянного признака, свойства, которое содержит скрытые признаки субъективной модальности, оценки. Это находит свое проявление в фактах согласования элементов контекста с отдельными компонентами мотивационной формулы (компонентом “действие” или “лицо”) и с модальными признаками.

Отвечая коммуникативным потребностям, в определенных текстовых условиях исследуемые дериваты могут утрачивают характеризующее значение и обозначать лицо по действию, актуальному в момент речи. Сфера их синтаксического употребления чаще ограничена функцией подлежащего или дополнения. Ср.: *Всех денег у Катюши, когда она поселилась у повитухи, было сто двадцать рублей, которые дал ей ее соблазнитель* (Л. Толстой). В приведенном фрагменте наблюдается согласование признаков времени предиката высказывания и временных характеристик имен лица: *дал (деньги) тот, кто соблазнил*. Реализуется актуальное перфектное значение признака имени *соблазнитель*. Посредством его вводится ситуация *соблазнения*, результат которой определяет развитие действий, описываемых в высказывании: *Катюшу соблазнили — дали сто двадцать рублей — она поселилась у повитухи*. Устанавливаются отношения зависимого таксиса, отношения временной последовательности действий.

Чаще обозначение определенного лица происходит на фоне предшествующей предикации. Такое предварительное сообщение о действии, которое кто-то совершил (или совершает), лишает имя признакового значения и актуализирует в нем значение идентифицирующее [8; с. 65]. Предварительная предикация, как правило, вводится в текст посредством производящего глагола или его синонимов. Ср.: *Старшие [дети] не смеют обижать маленького Никитку, потому что, когда отец вернется, он все узнает и крепко накажет обидчика* (Мусатов); *Больному становилось все хуже и хуже. Настал еще день, но уже не было надежды, что страдалец переживет его* (Достоевский). У имен *обидчик* и *страдалец* нет характеризующего значения. *Обидчик* как привычное наименование приводится в соответствие со “старшими детьми” (которые могут обидеть), уже имеющимися в сообщении, *страдалец* — в соответствие с “больным” (которому *становилось все хуже и хуже*), лицом, появившимся перед глазами. В коммуникативном фокусе — действие, обозначенное именем лица.

Такие имена в смысловом развитии текста выступают в роли синтаксических дериватов. Например, в сочетании *смотреть с сочувствием на страдальца* номинация *страдалец* может интерпретироваться как синтаксический дериват, который вводит в структуру высказывания событийную пропозицию “лицо страдает”. Эта пропозиция является объектом действия “смотреть”. Высказывание с именем лица в актуальном значении, занимающим позицию объекта при глаголе со значением восприятия, синонимично конструкции с другим синтаксическим дериватом — *смотреть с сочувствием на страдания* и развернутой предикатной актуальной конструкции — *смотреть с сочувствием на то, как кто-л. страдает*.

Идентифицирующее значение имени может проявляться и на фоне последующего содержания. Ср.: *Несчастливая эта Лина, однако, — подумала она, — три у нее вздыхателя, и ничего из этого не выходит: один — дядя родной, другой желает получить ее только из-за денег, а третий и любит, да взяться не умеет* (Маркевич). “Вздыхатели” здесь соответствуют лицам, возникающим при дальнейшем развитии тек-

ста (*три вздыхателя* — это “дядя родной”, тот, кто “желает получить [Лину] из-за денег” и тот, кто “любит, да взяться не умеет”). Такая идентификация сопровождается переключением внимания на исполнителя действия. Коммукативная значимость субъекта подтверждается дальнейшим развитием текста.

Так, эмотивные агентивы способны осуществлять предикатную и идентифицирующую функцию. Признаковые и отождествительные смыслы могут сталкиваться в пределах одного контекста, иллюстрируя бифункциональность исследуемых дериватов. Ср.: *Более всего горя доставляла князюне раздражительность ее отца... Это любящий мучитель — самый жестокий оттого, что он любил и за то мучил себя и ее* (Л. Толстой); *Я не клеветник, я не клеветал на Рудина; но... может быть я не справедлив к нему* (И. Тургенев). Семантика эмотивных имен лица, следовательно, проявляется как динамическая структура, активно перестраивающаяся под воздействием контекста, в соответствии с разными типами коммукативной ориентации.

Итак, в процессе анализа выявлены следующие типы функционально-коммукативной направленности эмотивных имен лица: 1) усиление значения характеристики, постоянства признака и смыслов субъективной модальности; 2) ситуативное отождествление субъекта, что является средством установления зависимого таксиса в высказывании (коммукативном фокусе действие, обозначенное именем лица) или средством актуализации субъекта эмотивного действия или состояния (в коммукативном фокусе само лицо).

Исследование показало, что эмотивные агентивы — это бифункциональные знаки, способные играть как предикатную роль, так и идентифицирующую. Их семантика приспособлена и к тому, чтобы “обозначать”, и к тому, чтобы “называть” [9; с. 4]. Следствием этого является возможность построения характеризующих предложений типа *Саша — нытик* и возможность выражать общие суждения типа *Нытик жалуется по поводу и без повода*. В то же время отметим, что первый тип коммукативной направленности в большей степени характерен для исследуемых имен с фразеологическими приращениями, а именно с “приращениями свойства” (термин Е. Я. Шмелевой [10, с. 72]). Это такие эмотивы, как **приставала** — “разг. Тот, кто постоянно пристаёт”, **хвалитель** — “тот, кто часто, усердно хвалит, восхваляет кого-л.”; **льстец** — “тот, кто льстит, склонен к лести”, **насмешник** — “человек, склонный к насмешкам, любящий насмехаться над окружающими” и т. д. Такие имена, как правило, содержат в своей смысловой структуре сему “речь” или “поведение”. В меньшей степени коммукативная актуализация признаковости свойственна эмотивным производным, обозначающим лицо по “функциональному признаку”, способное иметь характеризующий оттенок. Например: **обманщик**, **обидчик**, **примиритель**, **поощритель**, **обворожитель**, **усмиритель** и пр. Значения таких имен чаще лишены семантических набоков и представляют “чистые номинации” (термин Е. А. Кудрявцевой [11; с. 139]), ср.: **обидчик** — “тот, кто обидел, обижает кого-л.”; **обворожитель** — “тот, кто обвораживает” и т. д. В определенных коммукативных обстоятельствах и текстовых условиях такие дериваты могут выступать как характеризующие имена, следовательно, признаковый компонент в их значениях можно классифицировать как потенциальный. Ряду слов с потенциальным характеризующим значением в большей мере свойствен второй тип коммукативной направленности, отождествительный. Так, для того чтобы кого-то назвать, к примеру, *мучителем*, *поощрителем*, *обожателем* и т. д., требуется сообщение о мучении, по-

ощущении, обожании и т. д. Полная нефразеологичность этих имен объясняет их прикрепленность к ситуации.

Функционально различные типы субъектных имен соответствуют и семантически различным типам названий лиц, которые порождаются в свою очередь семантически неоднородными глаголами: эмоциональные глаголы, включающие сему “речь” и “поведение”, чаще образуют имена предикатные; эмотивы, пересекающиеся с другими лексическими семами — имена идентифицирующие, способные иметь характеризующий оттенок. Следовательно, анализируемые дериваты неоднородны по степени представленности в их значении признаков свойств. Признаковость эмотивных агентивов убывает по мере ослабления в их семантике речеповеденческого компонента.

Список литературы

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. — Свердловск, 1989.
2. Жданова О. П. Функционирование глаголов поведения в составе однородного синтаксического ряда // Классы глаголов в функциональном аспекте. — Свердловск, 1986.
3. Современный русский язык. — Санкт-Петербург, 1999.
4. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. — М., 1979.
5. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования. — Томск, 1996.
6. Гайсина Р. М. Взаємодія імен і дієслів в світлі ідей О. О. Потебні // Мовознавство. — 1985. — № 4.
7. Резанова З. И. Указ. соч., с. 111.
8. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. — М., 1984.
9. Аругонова Н. Д. Язык и мир человека. — М., 1999.
10. Шмелева Е. Я. Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
11. Кудрявцева В. А. Соотношение явных и скрытых значений в семантике производного слова. — Алма-Ата, 1991.

Солодовникова Н. В.

ПОРЯДОК СЛОВ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ВКЛЮЧАЮЩИХ НАРЕЧНЫЙ ПРИЧИННЫЙ КОМПОНЕНТ

Известно что, наречия являются наименее исследованным классом слов, как отмечает М. В. Всеволодова, “к сожалению пока не создана синтаксически значимая классификация наречий, и это, возможно, наиболее трудная задача. Однако уже можно сказать, что сфера их действия значительно шире, чем это традиционно определяется грамматикой, а синтаксически значимые лексические разряды наречий (в том числе и предикативных) не совпадают полностью с известными нам по традиционной грамматике их группировками.” [1; с.66]

Нами уже отмечалось [2; с.150-154], что некоторые наречия, которые не считают причинными, могут функционировать в роли причинного компонента, М. В. Всеволодова считает, что этот “разряд наречий может выявляться” от контекст-партнера: осторожно/тихо закрыл дверь (образ действия) и осторожно (но не: тихо) про-